

Именно собакам Рита была обязана всеми потерями в своей молодой ещё жизни. В годы учебы в университете её бойфренд, как раз переходивший в то время в статус жениха, погиб, пытаясь объехать внезапно выскочившую на дорогу тётку с собакой. А в прошлом году лучшая подруга вывела собаку на вечернюю прогулку, и на них свалилось старое огромное дерево. Насмерть. На месте. Скажете, это Рита виновата? Это её касание приносит смерть? — и эта тема не нова, до посинения обсуждали такое когнитивное искажение в терапии. Но в первую годовщину подругиной смерти Ритин новый бойфренд Дэйв придумал, наконец, как преодолеть тоску и сосущую пустоту в сердце. Нужно спасти собаку. Взять из приюта и сделать своей любимицей.

— Надо исправить карму, — сказал Дэйв.

При всём своём идиотизме он очень хорошо сёк именно в таких вещах. За что многое ему прощалось. Очень многое.

Дэйв приглядел на сайте подходящую собаку. Большую. С грустной историей. Таковую, чьё спасение из приюта зачлось бы по-настоящему. Подруга бы одобрила. Она любила больших собак. Она вообще всех любила, без неё в мире стало меньше любви. Надо, чтоб любви было больше.

— Хочешь, она будет считаться моей собакой? Я с ней буду возиться, а ты — покупать корм и исправлять свою карму.

— Берём, — согласилась Рита и пошла на работу.

Невзирая на запланированные добро и любовь, день не задался с самого утра. Не успела Рита втолкнуться в набитый вагон надземки, как телефон её зазвонил:

— Да, кстати: я взял у отца машину на день.

— Как? — ахнула Рита. — И не повёз меня на работу?

На машине добираться в Гарлем — тридцать минут, а на метро и автобусе — от полутора часов до бесконечности.

— Извини, забыл, — сказал неработающий и посему никуда не добирающийся по утрам Дэйв. — Но вообще-то я машину взял, чтобы забрать собаку. С ней в транспорт не пустят.

Настроение было испорчено мелким предательством Дэйва. В обед Рита решила исправить его, выскочив на экспресс-маникюр. В неряшливом сонном салоне, где маникюрши не поднимали глаз от игр в своих телефонах, её усадили к пожилому корейцу. Рита закрыла глаза. Ом-м-м... Открыв их, чтобы полюбоваться подсыхающими ногтями, она увидела жирную синюю полосу на ногте безымянного пальца. Под лаком. Кисточкой грязной... бр-р.

— Что это, по-вашему? — разъярённо спросила она у корейца, трясая кистью руки перед самым его лицом.

— Ваши ногти, — невозмутимо ответил он.

— Серьёзно? Ха. Я посинела. Я ещё не умерла, кажется! Я отказываюсь платить за этот ужас!

Она, конечно же, расплатилась и вернулась бегом на работу, не смыв дурацкий ноготь. Хотя бы остальные девять выглядели прилично.

Когда она вернулась домой и увидела у двери собачью переносную клетку, размером ей по грудь, в животе что-то противно клоцнуло. Рите хотелось верить, что от голода, а не от дурных предчувствий.

В комнате, занимая бОльшую её часть, сидело лохматое чудовище. Помесь волкодава с Бернским зенненхундом. Или с другим каким хундом.

— Правда, окрас морды, совсем как у Джесси?

Так звали добродушного родезийского дога, любимца покойной подруги.
— Ничего общего. Кто же сдал такую громадину в приют?!

Дэйв риторический вопрос проигнорировал и удовлетворённым, усталым голосом сказал:

— Вот, выпустил из клетки. Сволочи, совсем не обучили собаку. Так издеваться над животным...

— Как... как — не обучили?! — ахнула Марина. — Ты же говорил, что...

— Тебе-то что? Ты поспишь быстренько, и обратно на работу, а нам тут выкручиваться. Да, малыш? — это он повернулся к собаке, с живым интересом следившей за всеми передвижениями Риты.

— Ага. Малыш. Прекрасное имя для скаковой лошади. Я завела лошадь, — подытожила горестно Рита.

Животина оказалась сукой с чётко выраженными территориальными претензиями. В частности, Дэйва она считала сугубо своей территорией, а потому Рите была объявлена война. Уже на второй вечер выпущенная «погулять» по комнате «лошадь» подошла к дивану, на котором уютно устроились хозяева, и попыталась спихнуть Риту на пол. Собака была заведомо тяжелее её, а тут ещё Дэйв поддержал:

— Ну что б тебе пустить животное. Бедняжка, она не знала ласки.

— А я?! — взывала Рита, — я — знала?! Она, значит, малыш и бедняжка, а я — машинка для печатанья денег? На вот это всё?! — рука её описала драматический полукруг.

Пока они препирались, собака навалила кучу у Ритиных ног и с удовлетворённым видом сама пошла в клетку.

Так и пошла жизнь. Карма, может, и улучшалась, но Рите было это никак не ощутить. Собака упорно не желала приучаться не гадить в доме и не жевать всё, что плохо лежит. Дэйв утверждал, что теперь-то он точно не может выйти на работу. Недели через три он заявил в спину уходящей на работу Рите, что хочет поучаствовать в марше мира, а потому уедет на пару дней.

— А собака?

— Я поговорю с отцом, — сказал Дэйв.

Рита долго потом поражалась своей легковёрности и неумению читать мужские намерения. Вечером того же дня, когда она пришла домой, её встретила только подросток за последние недели животина, умудрившаяся подтащить клетку, с собой внутри, к дивану и с вожделием на него взиравшая. В

последующие после отбытия Дэйва дни она научилась отпирать клетку изнутри и совершать разрушительные набеги на диван и забытую на столе с утра еду, а также изжёвывать в лохмотья всё, что попадало в мощные её жевалки-зубищи. Отец Дэйва не спешил протянуть руку помощи и, как, впрочем, и сам Дэйв, в конце концов, перестал реагировать на истерические вечерние звонки Риты.

На третий вечер, лёжа в постели и перебирая варианты спасения, Рита наконец-то сообразила, что Дэйв просто сбежал. Неважно, от собаки ли, к женщине ли — переживать всё это было некогда, иначе на работу завтра не встать. Думая о собственном слабоумии, Рита заснула. Проснувшись она от того, что освободившаяся от уз животина вломилась в спальню. Собака навалилась на Риту, и Рита подумала, что, в принципе, развязка может оказаться неожиданно лёгкой.

— Уйди. Уйди, сволочь, поняла? — просипела она, вперившись в пусто светившиеся, с молочным отливом, ненавистные собачьи глаза. Животина, казалось, что-то поняла и сползла на пол. Торжество, испытанное Ритой, было нарушено буквально через несколько секунд, когда что-то горячее стало заливать ее спину и ягодицы, поднимаясь к затылку и пропитывая волосы. Она вскочила. С ночной рубашки капало. Тварь унизила-таки её, захватила её дом и даже пометила постель. Закончив стирку, Рита попеременно курила и плакала до самого утра, но на работу всё-таки поплелась. Отпускных дней больше не было, да если бы и были...

Интересно было то, что Рита, сама себе удивляясь, отстраненно думала об этом, что вернуть собаку в приют не казалось решением проблемы. Собака была стопроцентным кандидатом на усыпление. Мараться не хотелось, вот что было главным в её решении — в отсутствии решения, то есть. Или ещё что, трудно разобраться. Забавным также казался тот факт, что на улице собака преображалась — добродушной зверя трудно было сыскать. Просто любимица публики. Война происходила дома, и враждовала собака именно с Ритой.

Добил её окончательно тот день, когда, придя с работы, Рита поднялась в спальню и обнаружила следы очередного погрома. На кровати лежала хитроумная тварь, интеллекта которой не хватало на то, чтобы понять разницу между собачьим кормом и мебелью и научиться опорожняться во время прогулок, но зато она безупречно открывала двери и мастерски проникала именно туда, где её не ждали. Так вот, она в очередной раз лежала на Ритиной по-

стели, догрызая мордочку плюшевого медвежонка, который, стыдно сказать, сопровождал Риту с детства и был её бессменным другом и утешителем. В её постели менялись мужчины, но не медвежонок. Вид безглазого, обезображенного друга был невыносим, и с животным каким-то воем Рита ринулась на зверя. Она била собаку по чему придётся, не реагируя на укусы и визг, и остановилась только тогда, когда животина, впервые за последние дни, ретировалась в клетку.

Когда всё закончилось, Рита разжала кулаки и поглядела с удивлением на свои дрожащие, липкие пальцы в клочьях шерсти. Руки её были покрыты мелкими ссадинками и укусами в разных стадиях заживления. Тот самый, неудачный, маникюр окончательно сошёл. Новые ногти были обломаны или обкусаны. Она была в тумане, голова кружилась. Рита дала твари корм, который та накануне всё-таки соизволила распробовать, и прямо в уличной одежде рухнула на свою обезображенную постель.

На другой день сотрудники отмечали чей-то день рождения. Рита не стала отказываться от приглашения выпить и просидела с ними в баре несколько часов. Спешить всё равно было некуда. Вернувшись домой, она не нашла ни одной кучи. Животина радостно выскочила на улицу и долго опорожнялась. Кажется, она начинала что-то понимать...

В течение следующего месяца Рита искала и, наконец, нашла семью, в которой дети давно мечтали о такой собаке. Большая собака должна жить в большой семье, и предпочтительно в большом доме с задним двором. Так что у собаки всё совпало, как надо.

II.

Конечно, было обидно думать, что Дэйва изгнала из дома собака, а не сама Рита, порядком уставшая морально и физически от его истерик, оскорблений и попыток унижить её, перемежающихся с бурными объяснениями, в том числе и в любви, и суетливым каким-то, лихорадочным сексом в самые неожиданные моменты и в странных местах. Рита вообще начинала подумывать, что Дэйв — эксгибиционист, настолько неожиданными были эти припадки страсти на публике. К концу их отношений она лично не испытывала ничего, кроме раздражения. Он, видимо, тоже был не совсем счастлив, если решил так трусливо, без каких-либо объяснений, внезапно слинять. И всё-таки с отъездом собаки ощущение свободы, как физраствор, закапало в её кровь.

В ближайший выходной Рита поехала в Гринвич Виллидж и наколола на спине татуировку «Больше никогда». Проинспектировав надпись с помощью двух зеркал, она вполне удовлетворилась. Наколка почти ощутимо, как струйка пота, стекала по позвоночнику. Она попросила добавить жирную точку в конце. Точка приходилась на острый позвонок у основания затылка, и Рита завела привычку дотрагиваться время от времени до неё под волосами, напоминая себе о том, что она освободилась от всего, что угнетало её и контролировало. Что она будет жить иначе.

Правда, в самом начале новой свободной жизни она чувствовала себя не просто одинокой, а окружённой врагами, оставленными ей в наследство легкомысленным любимым, угрожающими кредиторами в том числе, и в результате похудела за месяц настолько, что позвонок с точкой выпирал, как крохотный горбик. Рита, дотрагиваясь до него, казалась себе верблюдом, тянущим по пустыне груз прошлого. Но всё же она понемногу освобождалась от этого прошлого, начинала менять жизнь. Избавившись от собаки, Рита поняла, что жить одна в пустой квартире не хочет, но что было делать? Тогда ей пришла в голову мысль поменять всё и найти работу где-нибудь на краю света. Или хотя бы съездить на край света. Она нашла объявление о наборе команды на круизное судно и прошла весь, довольно-таки сложный и длительный, процесс. И тут в самом конце уже, при подписании контракта, оказалось, что ближайший отпуск в несколько дней ожидается через девять месяцев.

Тоска взяла, как представила она себе эти девять месяцев улыбок пассажирам, сплетен, интриг, которые неизбежно возникают в замкнутом пространстве. Нет, слишком долго! — и она отказалась. Правда, в ходе круизной эпопеи она приобрела приятельницу, такую же, как и она нынче, искательницу приключений и приличной оплаты. Теперь они искали работу параллельно, обмениваясь полезной информацией и периодически обмывая мелкие удачи. Новая подружка оказалась лучше старых двух, общаться с ней можно было точно, без напряжения и обид. Рита как-то отогревалась, отходила от стресса в её неназойливой компании. Именно она, Джулия, подружка новая, первой увидела объявление по набору стюардесс. Они обе записались и через несколько дней были вызваны на групповое интервью. Деньги были совсем небольшие, а первый месяц, пока стюардесс муштровали в специальном лагере где-то в Неваде, не оплачивался вообще, но зато давали много выходных и бесплатный пролёт куда угодно несколько раз в год. Рита решила, что ей,

пока она одна, всё это вполне подходит. Она ни за кого не отвечала, и её никто не ждал дома. Рита прошла все этапы отбора вместе с Джулией. Здорово было бы летать вместе. Жизнь как-то прояснялась и налаживалась, совсем, как по-года этого, наконец наступившего, удивительно дождливого лета.

Их обеих зачислили-таки в экипаж. Рита уволилась с работы без выходного пособия и поехала, ни о чем не жалея, в лагерь на месячную муштру. Гоняли их там, не жалея, обучая терминологии и технике безопасности, как делать искусственное дыхание и как варить кофе, и всякой другой всячине. Что только ни требуется от стюардесс в такое короткое время полёта! Просто поразительно. Рите нравилось. Впервые за много месяцев ей что-то нравилось и радовало даже то, как сильно она уставала. Некоторые, между прочим, не выдерживали, а кое-кого даже дисквалифицировали и отправили домой.

Но выносливых и старательных — Риту, Джулию, ещё нескольких новых подружек — ожидал полёт, симуляция настоящего. Обучение входило в завершающую фазу. И вот тогда-то, когда Рита наконец одела форму и затянула волосы, как положено стюардессам, в немодный, но торжественный высокий пучок, и оказалось, что татуировка на спине виднеется из-под глубоко вырезанного ворота. Виднелась, собственно, только жирная точка, но это нарушало правило авиалинии, запрещающее татуировки на видных местах. Рита ещё немного поспорила, но опять-таки с помощью двух зеркал, ей показали жирную синюю точку у основания затылка, прямо над белым воротничком. И списали.

Рита никак не могла прийти в себя. Неудачливость её превзошла самое себя. Так она ещё не влипала никогда: теперь у неё не было ни работы (после того, как она сообщила, что увольняется, обрубая всё — резко и с некоторым высокомерием, — обратно её не взяли бы, даже если бы место было ещё свободно), ни права на пособие по безработице. Хорошо, хоть квартиру она оставила за собой и заплатила хозяину за два месяца вперёд. Теперь у неё оставался месяц на раздумья. Мыслями она была ещё там, с девчонками. Джулия позвонила через день и сообщила, что её назначили в первый полёт. Если бы только мы летели сейчас вместе, в одной команде, добавила она. Ты не грусти, Рита, я вернусь и что-нибудь придумаем и для тебя.

Только вот такая вышла штука: Джулия никогда не вернулась из того полёта, потому что самолёт взорвался по неизвестной причине перед самой посадкой, и вот теперь я не знаю, как же закончить этот рассказ, чтобы вышло оптимистично.